

§10 ГУМАНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Пржиленский В.И.

ЛОГИКА ЭКСТРЕМИЗМА: ОБЪЯСНЕНИЕ *VERSUS* ПОНИМАНИЕ

Аннотация. Предметом исследования является специфика экстремистского мышления, структура и содержание целеполагания экстремистски настроенных индивидов. В статье рассматривается экстремизм как особый тип отношения индивида к процессам и явлениям, происходящим в окружающем его мире, то есть в социальном, культурном и этноконфессиональном его окружении. Исследуются два основных источника современного экстремизма (архаика и модерн), реакцией на которые и детерминируется эмоциональное и ценностно-окрашенное неприятие происходящего, побуждающее индивидов к поиску выхода из складывающейся ситуации. Обосновывается тезис о недостаточной эффективности классических средств и методов анализа специфики экстремистского мышления, таких как исторический материализм, позитивизм и структурный функционализм. Демонстрируются эвристические и методологические возможности социальной феноменологии, философской герменевтики, структуралистского и постструктуралистского подходов к изучению экстремизма как особого типа рассуждения. Представлены два типа социальных технологий, при помощи которых в современном мире отыскивается «решение» проблем индивида и коллектива, охваченных экстремистским настроением. Доказывается связь этих технологий с пространственно-временной локализацией ценностей, соединяющей вместе историко-географические, этноконфессиональные и социокультурные детерминанты самоидентификации личности. Показываются угрозы внешнего вмешательства в данный процесс и необходимость эффективного противодействия его манипулятивной технологизации.

Статья подготовлена в рамках проектной части государственного задания на выполнение НИР Министерства образования и науки по проекту № 942.

Ключевые слова: экстремистское мышление, социальные технологии, метод, уникальное, универсальное, идентичность, манипулирование, модерн, архаика, философская герменевтика

Abstract. The subject of this research is the specificity of extremist thinking, structure and contents of targeting of the extremist oriented individuals. The article examines extremism as a special type of attitude of an individual towards the processes and phenomena taking place in the surrounding world, in other words, in social, cultural, and ethno-confessional environment. The author explores the two types of main sources of the modern extremism (archaic and modern), by the reaction upon which the emotional and value-hued antagonism of the events encouraging individuals to search the way out from the situation in hand, are being determined. The author substantiates the thesis on the insufficient efficiency of classical means and methods of the analysis of specificity of the extremist thinking, such as historical materialism, positivism, and structural functionalism. The article presents two types of social techniques, with the help of which the modern world finds a "solution" of the problem of an individual and a group captured by the extremist attitudes. The author proves that there is a connection of these techniques with the spatial-temporal localization of values that unites the historical-geographical, ethno-confessional and sociocultural determinants of self-identification. The threats of the external interference into this process, as well as the need for the effective countermeasures against its manipulative technologization, are being demonstrated.

Key words: manipulation, identity, universal, unique, method, social techniques, extremist thinking, modern, archaic, philosophical hermeneutics.

Экстремистское мышление как совокупность соответствующих интеллектуальных практик, умонастроений и убеждений стремительно распространяется и проявляется в значительно больших масштабах, нежели экстремистских действиях. Латентность экстремистского мышления, его скрытность от окружающих создает трудности для эффективного противодействия экстремизму. Являясь питательной средой явного экстремизма и терроризма, латентный экстремизм современного общества практически не выявлен и не изучен методами и средствами философии, интерпретативной социологии. Не показана его связь с такими эффектами модерна как посттеоретическое и постмировоззренческое мышление, технологизация социальной жизни, постсекуляризация, оперирование идеологиями, манипуляции идентичностями. Совокупность онтологических, аксиологических и праксеологических допущений, лежащих в основе научных исследований феномена экстремизма не позволяют выявить сущность, понять и сформулировать логику современного экстремизма, определить его причины.

Сегодня в мире остро стоит проблема глобалистического экстремизма, который под видом международного сотрудничества и кросс-культурной коммуникации навязывает миру интересы одной социальной группы, что создает источники масштабных конфликтов. Исследование глубин-

ных основ современного экстремизма позволит управленцем всех уровней прогнозировать его динамику, смягчать его последствия, предупреждать опасные ситуации в межнациональных и международных отношениях. Но прежде необходимо артикулировать понятие экстремизма в терминах современной философии и социологии, в то время как большинство исследователей придерживаются достаточно традиционных средств и методов исследования, таких, например, как методология диалектического и исторического материализма, структурного функционализма. Так, М.Я. Яхъяев определяет экстремизм как «деструктивный радикализм, направленный на сохранение, консервацию отживших, изживших себя социальных отношений с помощью деструктивных, агрессивных действий против тех сил и социальных явлений, которые выражают действительно революционное преобразовательное начало, либо против всей существующей социальной системы или социальной ситуации в целом». [1] В приведенном определении, как и в остальном тексте встречаются немало концептуализаций вроде «отживших социальных отношений», «действительно революционного преобразовательного начала» и т.п. Так и хочется вспомнить время, когда советские идеологи интерпретировали движение под лозунгами ислама как одну из форм национально-освободительной борьбы, имеющей в целом прогрессивную на-

правленность. Вот и М.Я. Яхъяев отмечает, что экстремизм является «закономерной, исторически обусловленной, но некорректной реакцией части определенной социальной группы, поставленной в данной конкретной исторической ситуации в критическое положение выживания или самосохранения». [1]

Между тем философы, занимающиеся проблемами познания и метода, в том числе и в сфере общественной жизни давно уже отказались от поиска исторических закономерностей. И хотя часть теоретиков продолжает настаивать на наличии закономерностей социальных, но из философских и частнонаучных концепций понятие исторически обусловленной закономерности успешно элиминировано. Более того, сегодня в арсенале обществоведов средства и методы феноменологической и аналитической философии, дискурс-анализа, структуралистского и постструктуралистского исследования, философской герменевтики и мн. другие. Лингвистический поворот, превративший понятие смысла в главную познавательную категорию, знаменовал собой отказ от методологических стандартов естествознания и позитивизма. Благодаря этому в центр исследовательских интересов попадает феномен уникальности, что и обуславливает отделение объяснения от понимания и даже их известное противопоставление. В российской специальной литературе все подобные вопросы, как правило, объявляются психологическими и относятся к выявлению особенностей психологии экстремиста. Между тем, ортодоксальная психология способна лишь сопоставлять мышление экстремиста с моделью мышления нормального человека, которая на деле презентует странное смешение конформистского и идеалистического типов. Не случайно результатами такого «сравнения» оказываются лишь рекомендации по своевременному выявлению признаков этой «патологии». Но может быть необходимо понять содержание мышления экстремистски настроенного человека и выявить содержательные причины этого феномена. Понять его логику и лишь тогда объяснить весь причинный комплекс.

Характерное для философской герменевтики противопоставление объяснения и понимания восходит к методологической рефлексии неокантианцев и подробно разработано М. Хайдеггером. Как отмечает А. Пуанкаре, между подходом историка (гуманитария), заинтересованного в понимании смысла рассматриваемого явления и подходом физика (представителя естественных

наук), желающего подвести явление под некую универсальную закономерность, есть весьма существенная разница. «Карлейль, – продолжает А. Пуанкаре, – в одном месте пишет примерно так: «Только факт имеет ценность; Иоанн Безземельный прошел здесь: вот что заслуживает удивления, вот реальность, за которую я отдал бы все теории мира»... Это – язык историка. Физик скорее выразился бы так: «Иоанн Безземельный прошел здесь; это меня мало интересует, потому что больше это не повторится». [2, с. 117]

Французский теоретик сравнивает физика и историка, но по этой же схеме можно сравнить и два типа социально-философской и социологической методологии. Исторические материалисты, позитивисты и функционалисты ищут универсальные условия, порождающие экстремизм, что и предопределяет торжество каузального типа объяснения, где внешняя причина не требует никакого особого понимания. Экстремизм, в соответствии с данным подходом, порождается определенными историческими, социальными или даже психологическими причинами. Причем порождается всякий раз, когда причины оказываются достаточно вескими, чтобы вызвать к жизни указанное явление. и понимание здесь не противостоит объяснению – последнее просто неотделимо от первого.

На языке карлейлевского историка вопрос встанет не о факте, а о значении и смысле социального явления, которое будет рассматриваться как уникальное только потому, что его можно объяснить только посредством его понимания, понимания внутреннего мира того человека, который оказался автором со-бытия, его создателем. Но объяснение, даже если оно оказывается телеологическим или интенциональным, никогда не будет полностью исчерпывать понимание, оно всегда будет всего лишь схемой, формой, моделью. Разумеется, без схематизации и формализации не обойтись, но нельзя все сводить к ней, что зачастую делается в научных исследованиях такого значимого социального явления как экстремизм.

Примером применения методов философской герменевтики может служить девиз французского философа П. Рикера, заявившего о торжестве языка над насилием. Изучением языка насилия, особой логики и семантики экстремизма заняты и социологи, конфликтологи, филологи. При этом они заняты не правовой экспертизой высказываний, чего немало и в отечественной правоприменительной практике, но попыткой разглядеть особое понимание социальной и персональной онтологии в ее связи с

этикой и космологией. Так, французский исследователь Г. Гинест писал по поводу отдельного эпизода манипуляции настроениями социальной группы, вызывающего рост экстремистских настроений. основу такой манипуляции составляет продуцирование специальных нарративов, выводящих индивида за пределы повседневного и рутинного восприятия мира. «Эти нарративы, – пишет Г. Гинест, – ре-продуцируют формы политического экстремизма, продемонстрированные героями студенческого кризиса, из чего затем была слеплена причудливая идеология, обретающая смысл лишь при помощи особых, специально для этого созданных терминов. Такие силы репрезентируются в месте поляризации синтаксиса экстремизма и насилия, вызывающего эту двойственную тенденцию, которая позволила во время студенческого конфликта манипулировать либеральным правительством Жана Шаре: студенты и их «красный квадрат» были созданы как символы насилия, издевательства, экстремизма и радикализма». [3, p. 160]

Расширение теоретических возможностей исследования социальной природы экстремизма, пополнение инструментария изучения экстремизма как сложного и гетерогенного явления, углубление понимания причин и механизмов функционирования экстремистских убеждений позволило бы осуществить развитие и совершенствование философской концепции посттеоретического мышления. Необходимо выявить конкретные противоречия, порождающие феномен экстремизма в связи с оперированием идентичностями и герметизацией жизненного мира. Это, в свою очередь, создает условия для того, чтобы подойти к экстремизму как к индикатору социальных противоречий, лишь устранение которых позволит эффективнее бороться с этим общественным недугом. По результатам анализа возможно будет выделить риски реализации государственных программ в сфере межэтнических отношений, национально-культурного развития, молодежной политики, разработать способы минимизации этих рисков, что будет способствовать укреплению национальной безопасности и устойчивому развитию российского общества.

Необходимо также различать модели или идеальные типы экстремизма, каждая из которых имеет свой собственный комплекс причин и свою особенную логику перехода к действию. И хотя в жизни они практически не встречаются по отдельности, каждому из них присуща своя

логика, свой порядок дискурса, своя особенная механика перехода от слов к действию. Под действием здесь понимается не только и не столько террористическая активность, сколько распространение квазиинформационных конструктов, создание соответствующих образов, ревизия исторических и морально-юридических оценок существующих институтов, целей и ценностей. Но каждому такому действию предшествует некоторый идеальный сценарий мысли. Рассмотрим их подробнее.

Реакция на модерн. Модернизация никогда не бывает тотальной. Как правило, она затрагивает отдельные элементы социальных систем, будь то классы, слои, сословья или отдельные индивиды. Оставляя в стороне тривиальное для любого анализа реформ разделение всего общества на выигравших и проигравших и рассматривая модернизацию как более сложное явление, тем не менее, будем придерживаться допущения, согласно которому «обновление» одних участников жизни превращает других в «устаревших» или в «устаревших». Как правило, устаревшие лишены возможности сопротивляться, препятствовать, в противном случае они не могут рассматриваться как устаревшие. Французский философ Ж. Бодрийяр видит в ненависти естественную и защитную реакцию на модерн, в особенности на тот тип модерна, который распространяется в процессе современной модернизации. «Когда техника делает доступным все, что угодно, я уже не могу решить, что полезно, а что бесполезно; пребывая в недифференцированном мире, я не в состоянии решить, что прекрасно, а что безобразно, что хорошо, а что плохо, что оригинально, а что нет. Даже мой организм не в состоянии разобраться, что для него хорошо или плохо. В ситуации невозможности принять какое-либо решение, любой предмет делается плохим, и единственной защитой становится противореакция, неприятие и отвращение». [4, с. 111]

Что это за модернизация, которая способна родить ненависть? Конечно же, вопрос здесь стоит о тех, кто не успел трансформироваться, то есть переродиться. А переродиться в условиях модерна не успел никто, за исключением тех, кто сам рождает модерн, чьи мысли и действия способны выступить как преобразующая общество сила. Например, открывшие и внедрившие новую технологию, будь то огонь, колесо или производство компьютеров, получают не просто конкурентное преимущество. Они создают вокруг себя новый мир, превращая все остальное в свалку или, в луч-

шем случае, в музей. И тем, кто составил пресловутую свалку или почувствовал себя элементом этой свалки, готов лишь ненавидеть. «Это иммунная реакция организма, – пишет Ж. Бодрийяр, – с помощью которой он стремится сохранить свою символическую целостность, иногда ценой жизни. Вот почему я считаю, что ненависть, представляя собой чрезмерную форму выражения безразличия и неприятия этого недифференцированного мира, есть крайнее проявление жизненной реакции организма». [4, с. 111]

Нельзя не обратить внимание на слова французского философа о том, что стремление к сохранению символической целостности может быть сильнее страха смерти. Но символическая целостность безжалостно разрушается в процессе модернизации и естественный страх перед новым рождает то, что сегодня принято называть традиционным обществом, в котором традиции выполняют роль защитного пояса, предохраняющего символический мир как от разрушительных, так и от преобразовательных вмешательств. Понятие ненависти проходит по ведомству психологии, в то время как именно оно является наиболее значимым фактором в рождении такого феномена как экстремизм. Всем тем, кто не нашел себя в новом мире, тем, кто не смог принять его из этических, эстетических, религиозных или иных соображений, ненависть показывает путь к экстремистскому по своей сути отрицанию мира.

Реакция на архаику. О том, что архаизация представляет собой естественного спутника модернизации, автор уже писал.[5] И хотя предложенная им идея управления архаизацией была встречена довольно критически, а сам автор даже был объявлен одним из разработчиков теории управляемого хаоса [6, с. 282-283], жизнь показывает иное. Архаизация имеет свою особую логику и это не совсем не та логика, при помощи которой успешные химики описывают динамические процессы диссипативных структур в неживой природе и на основе которой гораздо менее успешные обществоведы пытаются моделировать развитие общества. Не хаос и синергетика, а вполне определенные трансформационные процессы, заменяющие одни институты и ценности другими во имя индивидуального и коллективного выживания составляют сущность и смысл феномена архаизации.

О реакции архаики на модерн сказано выше, но возможно и обратное – внезапно вторгающаяся в нашу жизнь архаика способна вызвать реакции экстремального толка, то есть такие реакции, результатом которых вполне может оказаться экс-

тремизм. Обрушение государства, его структур и институтов в результате войны, переворота и/или революции всегда приходит к архаизации. Это приводит к радикальной реорганизации всей системы ценностей по принципу «не до жиру, быть бы живу». Логика выживания ставит перед индивидами задачу отказа от всех тех ценностей, которые не способствуют выживанию, а может быть и препятствуют оному. Как отмечает В.Г. Федотова, упрощение постсоветского общества выразилось в том, что из всего многообразия форм жизни остались лишь две: выживание и обогащение. [7, с. 10] Но все ли готовы к погружению в архаику, все ли готовы отказаться от духовных и нравственных ценностей в пользу ценности выживания?

Конечно же не все готовы к адаптации любой ценой, не все готовы к архаике. Идеалы и ценности, привитые с детства и сформировавшие личность, могут стать препятствием. особенно если архаизация является локальной, кластерной или же гибридной. Классический пример локальной архаизации, когда высокие идеалы средневекового общества аристократов разбиваются об экономическую рациональность буржуазного модерна, воспроизводятся всякий раз, когда экономика делает рывок за счет упрощения социальной структуры и исчезновения страт, слоев и классов. Именно это произошло с российским обществом во время перехода от социализма к рыночной экономике, хотя подобные процессы российская история фиксировала уже не раз. Модернистские замыслы обрачивались архаическими воплощениями, когда в новую жизнь советские люди могли попасть только с возрождением элементов рабства, крепостничества и т.п. И эти закономерности присущи далеко не только одной лишь России – в равной мере они присущи всем континентам и цивилизациям. Но их неприятие может породить внутренний протест, в том числе и достаточно сильный. Так же как и в случае неприятия модерна, неспособность и нежелание принять нежданную архаику может опираться на ценности, уходящие своими корнями в глубокие слои человеческой экзистенции. Умение работать с этими двумя протестами крайне важно как для эффективного противодействия экстремизму и терроризму, так и для управления общественным развитием в целом.

Неприятие как модерна, так и архаики относится к негативным механизмам формирования экстремизма. Но человек так устроен, что за стадией нигилизма всегда следует стадия поиска выхода из сложившейся ситуации. И тогда на смену отрицанию приходит утверждение. В наиболее

обобщенной форме можно представить два основных вида таких утверждений, которые далее будут именоваться «клуб исторической реконструкции» и «лаборатория футуристического проектирования».

Клуб исторической реконструкции. Идентичность в традиционном обществе формируется в условиях, когда социальные институты, структуры и практики не отделены от исторического знания, а являются его продолжением. В обществе модерна они разделяются, а в гибридных обществах они вполне могут противоречить друг другу. В традиционном обществе историческое знание является частью идентичности личности. В силу особенностей господствующего в таком обществе типа мышления исторические сведения воспринимаются как простая информация, не требующая критической рефлексии. В основе исторического знания традиционного общества лежит миф или совокупность мифов, хотя и исторические сведения на определенном этапе становятся частью содержания. В силу соединения с мифологическим типом повествования такие знания встраиваются в него, становясь частью мифа и делая его более правдоподобным.

Как отмечает А.Б. Гофман, модернизация традиционализма заключается в том, что традиции не ниспровергаются и не разрушаются, а превращаются в объекты манипуляции. Ранее традиции оставались в неприкосновенности и находились в ведении особой социальной категории хранителей и толкователей, к которой относились не только старшие по возрасту, и даже не только жрецы и священники. В традиционном обществе заботой о традициях заняты власти, видя в этом свою функцию поддержания социальной стабильности и выполнения своих обязанностей перед ушедшими и будущими поколениями. А сегодня традиции доступны вмешательству и подвержены изменению, а их интерпретация не нуждается в специальной санкции – на роль восстановителя традиций может претендовать любой заинтересованный индивид, свободно ищущий единомышленников среди других членов общества.

Изменились, по мнению А.Б. Гофмана, и сами традиции. «Наряду с традициями-привычками, воспроизводящими некогда установленный порядок вещей, появляются другие виды традиций: традиции-реставрации, традиции-реконструкции, традиции-ностальгии, традиции-утопии, традиции-революции и т.д. Но дело не только в изменении сущности традиций, их структурной дифференциации, но и в изменении их функциональной

роли, роли традиционности как таковой. Во всех аспектах и функциях – ценностно-нормативной, герменевтической, легитимирующей и идентификационной – у традиции появляются конкуренты: заимствованные традиционные, нетрадиционные, инновационные формы социального действия, социальной регуляции и саморегуляции, выполняющие те же функции». [8, с. 254]

Лаборатория футуристического проектирования. Если клубы исторической реконструкции обращали внимание своих членов на прошлое, то здесь идет речь об обращении к будущему как к возможности проектировать социальные системы с заданными параметрами. Само название, включающее в себя понятие будущего с неизбежностью вызывает ассоциации с утопическим мышлением, начинающегося с платоновской Атлантиды. А еще с революционными проектами от французского просвещения до русского коммунизма и с научной фантастикой, берущей свое начало от идей русского космизма. Однако это явление совершенно иного рода. Обращение к будущему более не определяется грезами о более справедливом мире, в котором техника сделает человека по-настоящему свободным. Сегодня будущее полностью определяется исторической или даже квазиисторической контекстуализацией. Детерминирующим элементом здесь выступает этноконфессиональное и этноцивилизационное самосознание, которое в процессе поиска идентичности исходит из исторических или же квазиисторических реконструкций. Ситуация усугубляется необходимостью выбора идентичности, что явилось итогом того отношения к историческому знанию

Специфика современной ситуации такова, что индивидам и разного рода общностям пришлось помимо своей воли самим определяться со своей идентичностью. Причем происходит это в условиях токсичного воздействия со стороны конкурирующих центров конструирования идентичности. Цель таких центров – создание футуристических проектов, отличие которых от прежних утопических и научно-фантастических проектов в том, что они не являются универсалистскими, а ориентированы на определенные этноконфессиональные или же культурно-цивилизационные основания. Такие проекты – проекты возрождения, повторения и продолжения неких исторических (историко-героических) описаний и приобщение к ним становится массовым в условиях массовизации, всеобщей массовой образованности и определенного сорта информированности.

Отличие современного этапа состоит в том, что сегодня идентичность личности рождается и живет по законам информационного общества, что предполагает значительно меньшее влияние традиционных институтов социального контроля и контроля со стороны власти, основанной на внеэкономическом принуждении. В информационной доступности широких масс сегодня находятся ресурсы, о которых раньше даже мечтать не могли представители научно-исследовательского сообщества. Но оборотной стороной современного общества как общества информационного выступает то, что оно одновременно превращается в дезинформационное общество. Везде, где возникала потребность в общении и передаче сообщений, содержанием сообщения могла быть не только правда, но и ложь. Для современного общества характерно превращение не только информации, но и дезинформации в существенно более значимый ресурс для достижения своих целей, преследования собственных интересов. Благодаря техническим инновациям и рождению нового типа социальности возникает возможность манипуляции индивидуальным и коллективным целеполаганием уже не только на уровне информации и дезинформации, но и на уровне знаний, концепций, теорий, дискурса в целом.

Лишить человека прошлого, точно также как и лишить человека квартиры или любой другой собственности можно различными способами. Можно просто отобрать прошлое, запретив всякое упоминание о нем. Этот способ применим лишь в случае господства «права силы» и полного отсутствия защиты со стороны каких-либо внешних инстанций. Так, исламисты в Ираке, Сирии и Афганистане желают расправиться с любыми материальными свидетельствами о доисламском прошлом этих земель и населяющих их народов. Так же англосаксонские переселенцы в Австралии пришли к выводу о том, что для успешной интеграции аборигенов, их надо еще в раннем детстве изолировать от родственников и соплеменников, воспитывая их в условиях отсутствия информации, способной повлиять на формирование идентичности. И они уже в XX веке забирали детей из семей, воспитывая их в детских домах.

Второй путь конфискации прошлого выбирается уже в условиях наличия неких внешних инстанций, защищающих права и собственность. Точно так же, как рейдеры отбирают недвижимость, поддельвая документы и привлекая на свою сторону недобросовестных правоохранителей, исторические рейдеры начинают лишать

целый народы их исторического самосознания, фальсифицируя их родословную. Возможность оперирования идентичностью порождает серьезные проблемы в области социальной безопасности. Трудности самоидентификации, возникшие не по воле индивидов умело используются для манипуляции сознанием человека, что является одним из источников экстремизма.

Реконструкция логики экстремизма способна качественно улучшить управление общественными процессами, разработать эффективную стратегию противодействия различным его проявлениям, в том числе и террористической деятельности. К сожалению, формирование экстремистских убеждений практически не исследоваться как процесс, обусловленный интеллектуальными эффектами модерна, такими как посттеоретическое мышление, технологизация социальной жизни, постсекуляризация, оперирование идеологиями, манипуляции идентичностями. Нарративы, приводящие к экстремизму, рождаются в условиях причудливого и хаотического смешения целей, ценностей, значений и смыслов, которые зачастую выстраиваются в некие целостности, основанные на лжи или приводящие к заблуждениям. Как отмечает А. Эли, внутренней радикализации может противостоять, «встречный рассказ, который на основе фактических данных создает механизм сцепления и расцепления альтернативных концептуализаций (в противоположность механизму сцепления и расцепления религиозного радикализма или экстремизма) и тем самым противостоит психологически обусловленному и морально разъединному целеполаганию (уязвимому благодаря изменчивой морали), эффективно нарушая этот процесс посредством целенаправленного обмена сообщениями». [9, р. 84]

Экстремистское мышление должно быть оценено как естественная реакция на внешние воздействия, складывающиеся в гетерогенный причинный комплекс. При анализе природы экстремистского мышления необходимо преодолеть негативные последствия господствующего в современных исследованиях оценочного отношения к экстремизму, трактующего последний как мировоззренческую, психологическую и политико-правовую девиацию. Все более важное значение на формирование экстремистского мышления приобретают воздействия таких социальных процессов как глобализация, модернизация, архаизация, девиация.

Будучи критически осмыслены психологические, культурологические, социологические,

аксиологические концепции экстремизма, оказываются фундаментом для новой интегральной доктрины. Согласно этой доктрине именно оперирование идентичностями, а также конфликт между историческими событиями и социальными структурами в процессе бытия идентичности оказываются определяющими. При сопоставлении интеллектуальных и социальных компонентов экстремистского мышления становится очевидным неумение справиться с новым пониманием исторической ответственности, в том числе и ложно понятой. Комплексному анализу должны быть подвергнуты такие виды оперирования идентичностями как посттеоретическое мышление, технологизация социальной жизни, постсекуляризация, противоречие между социальными структурами и историческим сознанием. Многомерность социальной установки на деструктивную деятельность экстремизма определяется герметизацией и консервацией жизненного мира.

Согласно принципу интенциональности целевая направленность субъекта и степень напряженности этой направленности должны находиться в устойчивом равновесии, нарушение которого формирует причинный комплекс экстремизма. В результате агрессии, разрушению институциональных связей или, напротив, защита от деструктивных форм социального взаимодействия исследуется как постоянное, устойчивая способность сосредотачиваться и достигать социальных целей. Таким образом выявляются латентные закономерности проявления экстремизма. Отдельные экстремистские акты или настроения должны рассматриваться не как случайно возникающие, а как вытекающие из объективных тенденций становления личности и развития общества.

Современное теоретическое исследование экстремистского мышления нуждается в унификации своих средств и содержания. Однако по своей природе оно продолжает оставаться разнородным и многослойным. Историко-генетическая реконструкция позволяет преодолеть данный разрыв и понять концептуальные истоки и во многом утраченный смысл многих схем и норм,

являющихся неотъемлемым элементом теоретизирования. В эволюции представлений о познании произошла вторая концептуальная революция, значение и смысл которой осознаны еще не в полной мере. Если первая концептуальная революция (от классического к новому) осуществила переход от логики к теории познания, то вторая (от нового к новейшему) означает замену теории познания философией и наукой сложных явлений современности. Это дает основание применять методы, обеспечивающие идентификацию явлений, внешне не связанных с экстремизмом, но зависящих от него косвенно.

- 1) Построение теоретической модели формирования экстремистских убеждений как целостной системы, включающей в себя причинный комплекс возникновения экстремистских умонастроений, способы оперирования идеологиями, технологии легитимации экстремистских убеждений.
- 2) Расширение и углубление теории социальных девиаций, включение в теорию экстремизма понятий, позволяющих выявить и описать «неявные онтологические и эпистемологические допущения, способствующие созданию социальной среды экстремизма.
- 3) Разработка социальных технологий, направленных на профилактику экстремизма.

На практике необходимо существенно модернизировать профилактику экстремизма, придать ей системный характер. Только это сделает возможным выявление тех особенностей сознания людей, которые являются источником экстремизма и продуцирование условий в рамках самых разных социальных институтов, необходимые для формирования конструктивного сознания, противостоящего экстремизму. Исследование генезиса экстремистских настроений в сознании молодежи позволит на действительно научной основе создавать проекты работы с молодежью в рамках реализации государственной молодежной политики, а также посредством общественных организаций с целью блокирования асоциальных действий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Яхьяев М.Я. Истоки и причины существования экстремизма как негативного социального явления / <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/item/187-istoki-i-prichiny-ekstremizma>
2. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990. 736 с.
3. Gabriel Blouin Genest Le (dé)goût d'un printemps : la construction sociale de la violence et de l'extrémisme politique lors du conflit étudiant québécois // Cultures & Conflits. 87 (Automne 2012) Guerres et reconnaissance. P. 160-166.

4. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. С. 107-116.
5. Пржиленский В.И. Управление архаизацией: между этикой, телеологией и технологией // Философские науки. 2012. № 5. С. 9-19.
6. Гусев Д.Г. Управляемый хаос // Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: Издательство URSS, 2014. С. 282-283.
7. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 544 с.
8. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 241-254.
9. Aly A. Countering violent extremism: social harmony, community resilience and the potential counter-narrative in the Australian context // Counter-Radicalisation: Critical Perspectives. L.,NY.: Routledge, 2015. P. 71-88.
10. Федотова Н.Н. Роль идентичности для развития экономики и модернизации // Философия и культура. 2012. № 10. С. 76-86.
11. Хренов Н.А. Модернизационные процессы на рубеже XX–XXI веков и судьба традиционных ценностей // Культурология. 2013. № 5. С. 544-555. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.5.9570.
12. Шебанова М.А. Космополитическая идентичность как одна из форм транснациональных идентичностей // Политика и Общество. 2013. № 8. С. 1039-1051. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.8781.
13. Жигальцова Т.В. Подходы к понятиям «модерн» и «постмодерн» в теории культуры // Философия и культура. 2011. № 11. С. 102-113.
14. Розин В.М. Правдоподобные конспирологические теории (дискурсивный анализ) // Политика и Общество. 2016. № 3. С. 301-310. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.3.18273.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Yakh'yaev M.Ya. Istoki i prichiny sushchestvovaniya ekstremizma kak negativnogo sotsial'nogo yavleniya / <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/item/187-istoki-i-prichiny-ekstremizma>
2. Puankare A. O nauke. M.: Nauka, 1990. 736 s.
3. Gabriel Blouin Genest Le (dé)goût d'un printemps : la construction sociale de la violence et de l'extrémisme politique lors du conflit étudiant québécois // Cultures & Conflits. 87 (Automne 2012) Guerres et reconnaissance. R. 160-166.
4. Bodriiyar Zh. Gorod i nenavist' // Logos. 1997. № 9. S. 107-116.
5. Przhilenskii V.I. Upravlenie arkhazatsiei: mezhdru etikoii, teleologii i tekhnologii // Filosofskie nauki. 2012. № 5. S. 9-19.
6. Gusev D.G. Upravlyaemyi khaos // Sotsiologiya upravleniya. Teoretiko-prikladnoi tolkovyi slovar' / Otv. red. A.V. Tikhonov. M.: Izdatel'stvo URSS, 2014. S. 282-283.
7. Fedotova V.G. Khoroshee obshchestvo. M.: Progress-Traditsiya, 2004. 544 s.
8. Gofman A.B. V poiskakh utrachennoi identichnosti: traditsii, traditsionalizm i natsional'naya identichnost' // Voprosy sotsial'noi teorii. 2010. T. IV. S. 241-254.
9. Aly A. Countering violent extremism: social harmony, community resilience and the potential counter-narrative in the Australian context // Counter-Radicalisation: Critical Perspectives. L.,NY.: Routledge, 2015. P. 71-88.
10. Fedotova N.N. Rol' identichnosti dlya razvitiya ekonomiki i modernizatsii // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 10. С. 76-86.
11. Khrenov N.A. Modernizatsionnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov i sud'ba traditsionnykh tsennostei // Kul'tura i iskusstvo. 2013. № 5. С. 544-555. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.5.9570.
12. Shebanova M.A. Kosmopoliticheskaya identichnost' kak odna iz form transnatsional'nykh identichnostei // Politika i Obshchestvo. 2013. № 8. С. 1039-1051. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.8781.
13. Zhigal'tsova T.V. Podkhody k ponyatiyam «modern» i «postmodern» v teorii kul'tury // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 11. С. 102-113.
14. Rozin V.M. Pravdopodobnye konspirologicheskie teorii (diskursivnyi analiz) // Politika i Obshchestvo. 2016. № 3. С. 301-310. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.3.18273.